

Валентин Пикуль

Конная артиллерия марш-марш!

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Конная артиллерия марш-марш!

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Конная артиллерия марш-марш! / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Кровь, слезы и лавры)

«Я скучаю по Артиллерийскому музею в Ленинграде... В огромных и прохладных залах арсенала всегда торжественная тишина; можно погладить темную паутину на бронзе мортир и гаубиц; теперь пушки молчат, словно грезя о прошлом, когда из кратеров их жерл вытрескивались молнии и в батарейных громах, колышущих небеса, зарождались предрезостные виктории...»

Валентин Пикуль

Конная артиллерия – марш-марш!

Я скучаю по Артиллерийскому музею в Ленинграде...

В огромных и прохладных залах арсенала всегда торжественная тишина; можно погладить темную паутину на бронзе мортир и гаубиц; теперь пушки молчат, словно грезя о прошлом, когда из кратеров их жерл вытрескивались молнии и в батарейных громах, колышущих небеса, зарождались предрезостные виктории.

Пламя залпов – оранжевое. Пороховой дым – черный.

Это и есть традиционные цвета российской гвардии.

Существовали два понятия – конная артиллерия и полевая; в обоих случаях орудия тянули лошади, но путать полевую артиллерию с конной никак нельзя. Полевая двигалась вровень с пехотой, а конная неслась на бешеном аллюре кавалерии; полевая нещадно пылила вдоль дорог, а конная летела сломя голову через овраги и буераки, где, кажется, и сам черт ногу сломит!

Мне становилось даже не по себе, когда я рассматривал картины наших баталистов, изображавшие «выезд» гвардейской конной артиллерии. Это какой-то непостижимый ураган орущих всадников и вздыбленных на ухабах лафетов, ощеренных в ржании зубов лошадей и сверканье медных касок – все это в ярости боевого азарта валит напролом, а те, кого выбило из седла, тут же растоптаны и смяты настилом колес, дышел, копыт и осей зарядных ящиков. Что бы ни случилось, все равно не задерживаться – *вперед!*

– Конная артиллерия – марш-марш!

Истории этой артиллерии в России посвящены четыре монографии; одна из них, вышедшая в 1894 году, открывается проникновенными словами: «Доблесть родителей – наследство детей. Дороже этого наследства нет на земле иных сокровищ... Каждый шаг, каждое деяние защитников Отечества запечатлевайте в памяти и сердцах детей ваших от самой их колыбели».

А ведь мы, читатель, совсем забыли о Костенецком!

Помянуть же Василия Григорьевича просто необходимо.

Костенецкий вышел из сытной глуши конотопских хуторов, где на бахчах лопались перезревшие арбузы, а за плетнями хрюкали жирные поросята, где уездные барышни называли яйца «куриными фруктами», а язык мелкопоместных Иван Иванычей и Иван Никифоровичей напоминал язык гоголевских героев; так, запуская пальцы в табакерку соседа, старосветский помещик выпренно произносил:

– Дозвольте оконечностями моих перстов вкрасься в вашу табачную западню, дабы почерпнуть этого благовонного зелья ради возбуждения моего природного юмора...

Выросший в патриархальной простоте, Костенецкий перенял от родителей бесхитростную прямооту характера и отвращение к порокам настолько прочное, что до смерти не соблазнился курением и не осквернил себя ни единой рюмкой вина. Еще мальчиком он уже задевал макушкой потолка в родном доме. Любил Васенька взять быка за рога и валить его наземь, играючись.

– Оставь скотину в покое! – кричала из окошка маменька. – Эвон, ступай лучше на мельницу: поиграй с жерновами...

Отец велел мальчику собираться в Петербург:

– Ну, сынок, скажи нам спасибо, что меду и сала мы на тебя, кровинушку нашу, никогда не жалели, а теперь езжай да покажи свою силушку врагам отечества нашего...

Костенецкий попал на выучку в Инженерный корпус, где сразу выдвинулся в капралы; на правах капрала он волгузил, когда хотел, кадета Лешку Аракчеева («который уже в детстве надоедал всем и каждому») – он бил его, еще не ведая, как высоко вознесет Аракчеева

судьба! В восемнадцать лет Костенецкий стал штык-юнкером. Математика и геометрия были его любимыми предметами, а приступ Очакова был первым опытом его славы. Сиятельный князь Потемкин Таврический единым оком высмотрел в гуще битвы юного героя.

– Сего верзилу, который янычар, будто снопы худые, через плечо швыряет, жалую в подпоручики, – сказал светлейший, зевнув в ладошку, отчего запотели бриллианты в его тяжелых перстнях...

Посадив в лодки казаков, Костенецкий ночью подкрался к турецким кораблям и взял их на abordаж простейшим способом: треснет двух турок лбами и выбросит бездыханных за борт, потом берет за шеи еще двух – треск, всплеск! Так воевать можно без конца – лишь бы врагов хватило... В 1795 году (уже в чине поручика) Василий Григорьевич образовал в Черноморском казачестве пушечную роту, и палила она столь исправно, что слухи о бравом поручике дошли до столицы. Как раз в это время зарождалась конная артиллерия, в которую брали с очень строгим отбором. Костенецкого вызвали в Петербург к фавориту царицы графу Платону Зубову, ведавшему формированием новых войск.

– Ну и вымахал же ты! – сказал Зубов, дивясь его стати. – Таких-то и надобно, чтобы все трепетали...

Костенецкого приодели на гвардейский лад. Красная куртка с бархатным погоном на левом плече, аксельбант в золоте, сапоги гусара – с укороченными голенищами, штаны лосиные, шпоры медные, перчатки с крагами, шарф из черного шелка. Подвели ему коня под малиновым вальтрапом в золотой бахrome, сунул он в кобуры два пистолета. Вот и готов!

Костенецкого прозвали «Василий Великий», а образ жизни его вызывал уже тогда всеобщее удивление. В самые лютейшие морозы комнат он не отапливал, держа окна отворенными настежь, а гостям своим, кои мерзли, говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.